

Сегодня съемочная группа снимала сцену в храме.

Шан Чжэ играл наследного принца Ли Шаовэя, который впервые встречается внебрачного сына генерала-защитника Хуа Цана в храме Тяньдэ.

Сцена первая.

Шан Чжэ следовал за потоком массовки, поднимаясь по тысяче ступеней, придерживая подол одежды и немного торопясь, часто переступая через две ступени за раз. На середине пути он услышал шум позади себя, обернулся и воскликнул:

— Ого! Какой размах!

Там шла огромная толпа — слуги, охранники и семья генерала-защитника. Хао Е выделялся среди них, идя за несколькими женщинами и выглядел немного не в своей тарелке.

Камера приблизилась.

Хао Е хмурился, его лицо выражало раздражение. Он вдруг почувствовал что-то, резко огляделся, и его взгляд встретился с взглядом Шан Чжэ.

Шан Чжэ слегка вздрогнул.

Режиссер Фань:

— Стоп, Шан Чжэ, выражение лица не то, снимаем заново.

— Извините, извините, — Шан Чжэ знал, что его игра была не на высоте, он даже отвлекся в последнем кадре. Сцена была большой, массовка многочисленной, и переснимать было хлопотно.

Шан Чжэ собрался с мыслями и снова прошел сцену. Когда взгляд Хао Е скользнул по нему, их глаза встретились лишь на мгновение, и режиссер Фань сосредоточился именно на этом моменте. В глазах Хуа Цана была настороженность и резкость, но на самом деле он не обращал на Шаовэя внимания. Взгляд Шаовэя был любопытным и удивленным, без лишних эмоций.

Второй дубль режиссер принял, не сказав ничего, но Шан Чжэ все равно чувствовал, что не справился. Хотя он знал, как должен играть, он не мог понять, что именно было не так, будто его просто подавила аура Хао Е.

Это чувство стало еще сильнее в третьей сцене.

Вторая сцена была между наследным принцем Шаовэем и его учителем «Святым Математики» Лю Хуном. Роль Лю Хуна играл опытный актер, каждое движение и выражение лица которого были идеальны. Шан Чжэ играл с ним очень легко.

Наследный принц Шаовэй был гением в точных науках, он обожал математику и календарные расчеты, но император и наставник хотели, чтобы он больше внимания уделял управлению государством и пути правителя. Поэтому он тайно приходил в храм Тяньдэ учиться. Святой Математики проверил его знания и затем отправил его во двор, где висели задания для учеников.

Третья сцена снималась по сценарию, в сюжете семья генерала Хуа подверглась нападению убийц, и Шаовэй оказался втянут в это. Это была боевая сцена с использованием подвесов, но

реквизит еще не был готов, поэтому сначала сняли ту часть, что идет позже.

Сцена третья.

Хуа Цан укрыл Шаовэя в зале заповедей, который был погружен во тьму, а Шаовэй страдал врожденной куриной слепотой.

Шан Чжэ беспомощно огляделся:

— Э-это где?

Хао Е ответил:

— Зал заповедей, где наказывают монахов, нарушивших правила.

Шан Чжэ не видел дороги и шел за ним, пытаясь ухватиться за его рукав. Первый раз — промахнулся, второй — снова промахнулся, третий — рука Хао Е двигалась при ходьбе, и Шан Чжэ опять не смог ухватиться.

Режиссер Фань:

— ...Стоп.

Повтор.

Только на этот момент они сделали три или четыре дубля, Шан Чжэ становился все более нервным, а затем, когда он случайно ударился о столб, снова несколько дублей, и на лбу Шан Чжэ появилась шишка.

Хао Е кричал «Ты что, слепой!» до тех пор, пока сам не устал. Увидев шишку на лбу Шан Чжэ, он с облегчением сказал:

— Чжэцзы, если ты продолжишь так, мы останемся без ужина.

Режиссер Фань посмотрел на время:

— Ладно, на сегодня хватит.

Шан Чжэ был очень расстроен.

Теперь он начал понимать, в чем дело —

Он был слишком слаб, чтобы играть на равных с Хао Е.

Съемки «Вечного дня» проходили в киноплощадке Тяньду, который находился далеко от города А, поэтому Шан Чжэ не мог вернуться домой. Сяо Хуэй отвезла его в отель, организованный съемочной группой. Постояв под душем, Шан Чжэ лег на кровать с мокрыми волосами.

Он взял планшет и сначала связался с Сяо Сунем.

На экране было темно, Сяо Сунь направил камеру на Цяця, и Шан Чжэ увидел, как тот спит, сжав кулачки, с розовыми щеками, его маленькое тельце поднималось и опускалось в ритме дыхания...

Он просто смотрел на это некоторое время, и его настроение успокоилось.

Он спросил Сяо Суня несколько вопросов: что Цяця ел, во что играл, спрашивал ли он о папе, затем отправил несколько своих фотографий, сказав, что если Цяця снова спросит, то покажет их, а сам обязательно свяжется для разговора.

Закончив разговор с Сяо Сунем, Шан Чжэ колебался, но в итоге все же связался с Чжэн Кэнкэном.

В кадре был яркий офис, и Чжэн Цзянь был в безупречном костюме.

Шан Чжэ посмотрел на время:

— Уже одиннадцать тридцать, ты все еще работаешь?

Чжэн Цзянь внимательно осмотрел экран, его взгляд был глубоким:

— Ты только что помылся?

Шан Чжэ:

— М-м.

Чжэн Цзянь ослабил галстук:

— Устал от съемок? Почему такой унылый?

Шан Чжэ лежал на боку, поставив планшет на кровать, и жаловался собеседнику:

— Устал, да и играю плохо, сам не в духе.

Он был не в духе, но Чжэн Цзянь чувствовал себя прекрасно.

Слушая, как этот человек болтает с ним, глядя на его обнаженную шею и грудь, усталость словно испарилась.

— Хочешь рассказать подробнее?

— ... — Шан Чжэ замолчал. — Не хочу говорить о работе, я сам разберусь.

— Хорошо, тогда поговорим о другом, — Чжэн Цзянь сказал. — Отодвинь камеру подальше, немного вниз.

— Чжэн Цзянь, не будь развратником.

— С такого расстояния я не могу тебя коснуться, как я могу быть развратником? — Чжэн Цзянь уговаривал. — Слушай, отодвинь камеру, я лучше рассмотрю. Я успокоюсь, глядя на тебя, и работа станет не такой утомительной.

Шан Чжэ притворился, что нехотя подвинул планшет:

— Я скучаю по Цяця.

Чжэн Цзянь посмотрел ему в глаза:

— Я скучаю по тебе.

Шан Чжэ стал шутить:

— Цяця — мой сын, я по нему скучаю, это нормально. А кто я тебе? Почему ты по мне скучаешь?

Чжэн Цзянь поддразнил:

— Ты тоже мой сын, я по тебе скучаю, это нормально. Так же, как ты скучаешь по Цяця, я хочу обнять тебя, пощипать, довести до слез.

— Отвали! Я бы никогда не обидел своего сына! Подожди! Кто твой сын? Хватит позориться, директор Чжэн! — Шан Чжэ покраснел до корней волос, снова проиграв этому человеку в соревновании на бесстыдство.

— Ладно, ладно, хватит, — Чжэн Цзянь сдался. — Иди высуши волосы перед сном.

— Не хочу, это слишком хлопотно.

— Иди суши! Видеосвязь включена, я буду смотреть, как ты сушишь! — приказал Чжэн Цзянь.

— Понял, директор Чжэн!

Шан Чжэ знал, что этого человека не обманешь, поэтому встал с кровати и пошел в ванную сушить волосы феном. Чжэн Цзянь наблюдал за ним, одновременно просматривая последние документы.

Когда Шан Чжэ закончил, Чжэн Цзянь сказал:

— Если ты так переживаешь за Цяця, ты думал, что делать?

Шан Чжэ вернулся на кровать и вздохнул:

— Постараюсь каждый день находить время для видеозвонков, просто боюсь, что не получится. Я только что звонил Сяо Суню, Цяця уже спит.

Чжэн Цзянь прищурился:

— Ты только что звонил Сяо Суню?

— Да, а что?

— Ты звонил ему в таком виде? Вы что, голыми разговаривали? — Чжэн Цзянь нахмурился и отчитал его. — Звонить посреди ночи, да еще и в таком виде, ты хотя бы надел пижаму! Ты же артист, как ты можешь так звонить, не боишься, что кто-то запишет и выложит в сеть? Ты хочешь, чтобы у тебя был скандал с интимными фото?

Шан Чжэ был в шоке:

— Чжэн Цзянь, ты серьезно? Сяо Сунь не такой человек...

Чжэн Цзянь хмуро ответил:

— Мне все равно, какой он человек, я говорю, чтобы ты был осторожнее!

— ... — Шан Чжэ посмотрел на него несколько секунд, зевнул и сказал. — Я очень устал, не буду с тобой разговаривать, спокойной ночи, директор Чжэн!

— Шан Чжэ!

Шан Чжэ ткнул в экран, разорвав соединение, и засмеялся, перекатываясь по кровати.

Посмотрев на этих двоих, он почувствовал себя намного лучше.

На следующий день, когда он пришел на съемочную площадку, еще до начала работы Сяо Хуэй протянула ему бутылку с распылителем.

Шан Чжэ удивился:

— Что это?

<http://bllate.org/book/17718/1655969>